

Д. М. Фельдман

Салон-предприятие:
писательское объединение
и кооперативное издательство
«Никитинские субботники»
в контексте литературного
процесса 1920–1930-х годов

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Ф39

Книга издана при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Рецензенты:

М.П. Одесский — доктор филологических наук, профессор;
В.С. Парсамов — доктор исторических наук, профессор

Научный редактор

О.И. Киянская — доктор исторических наук, профессор

В оформлении переплета использована картина К.Ф. Юона
«Заседание “Никитинских субботников”»

Фельдман Д.М.

Ф39 Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов / Д.М. Фельдман. — М. : Редкая птица; Неолит, 2018. — 224 с.

ISBN 978-5-9500743-6-3

Монография посвящена истории литературной организации «Никитинские субботники». На основе архивных материалов анализируются события, предшествовавшие Первой мировой войне, затем эпохи Гражданской войны, в том числе и на территории, не контролирувавшейся советским правительством, а далее — 1920–1930-х гг.

Особое внимание уделено специфике отечественных издательских моделей, типологии литературских сообществ досоветской и советской эпох, анализу политических, юридических и коммерческих установок, обусловивших вытеснение частноиздательской инициативы с 1917 г., ее законодательное разрешение в период так называемой новой экономической политики и последующее запрещение. В связи с историей «Никитинских субботников» рассмотрены эпизоды творческих биографий А. Белого, М. Булгакова, М. Цветаевой и многих других писателей.

Книга адресована филологам, историкам, культурологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей отечественной литературы.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9500743-6-3

© Фельдман Д.М., 1998
© Издательство «Редкая птица», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	5
Введение	6
Часть I. Предыстория объединения и проблемы классификации литературных групп	20
Глава 1. Создание легенды	20
Глава 2. «Литературный быт» и литературные сообщества	27
Глава 3. Издательская модель и революционная юстиция	38
Глава 4. «Никитинские субботники»: возрождение салона	50
Часть II. От салона — к писательскому кооперативу	56
Глава 1. Второй дебют	56
Глава 2. Тупик революционной юстиции	59
Глава 3. НЭП в литературе	66
Глава 4. Мины правового поля	69
Глава 5. Тактика и стратегия «Никитинских субботников»	75
Часть III. Салон-предприятие: кризис и стабилизация	85
Глава 1. Карьера издателя	85
Глава 2. От юбилея к юбилею	94
Глава 3. Огорчения триумфатора	99
Глава 4. Неувиденная видимость	104
Глава 5. Принципы литературной конкуренции	109
Часть IV. Салон-предприятие: от стабилизации к ликвидации	121
Глава 1. В тихой заводи	121
Глава 2. Процедура удушения	127
Глава 3 (необязательная). Повторение пройденного на пути в социализм и обратно	134
Заключение	141
Примечания	145
Приложение I. Статьи о «Никитинских субботниках», опубликованные после открытия музея	167
Приложение II. Никитина Е.Ф. (Личное творческое наследие)	170
Приложение III. Е.Ф. Никитина. О чудесах в моей жизни	174

Приложение IV. Е.Ф. Никитина. Из рассказов об издательстве	182
Приложение V. Список членов кооперативного издательства писателей «Никитинские субботники»	184
Приложение VI. Устав	189
Приложение VII. Материалы юбилейных собраний	193
Приложение VIII. Каталог издательства «Никитинские субботники» (1922–1931)	205

ВВЕДЕНИЕ

Основная цель данной работы — выявление и анализ специфических закономерностей литературного процесса 1920-х годов. Объект исследования — московское писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники».

Несмотря на традиционный интерес литературоведов к литературным сообществам «легендарных двадцатых», «Никитинские субботники» — объединение и издательство — практически не изучались. Не то чтобы эта организация осталась вовсе незамеченной, о ней писали немало, особенно в массовой периодике, однако даже название и годы работы не всегда указывались одинаково. Разночтения подобного рода обнаруживаются и в специализированных справочных изданиях¹. Вот почему обращение к истории вопроса целесообразно предварить кратким перечнем основных этапов деятельности издательства и объединения, перечнем, составленным по материалам архива «Никитинских субботников»².

Впервые объединение литераторов, столь необычно именуемое, регистрируется в 1921 г. в Москве. Названо оно в честь основательницы и бессменной председательницы — Евдоксии Федоровны Никитиной, на квартире которой ежесубботне проводились заседания объединения³.

Тогда же — в 1921 г. — регистрируется кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники»⁴. В 1922 г. председателем правления кооператива избрана Никитина, сохранившая и пост председателя объединения⁵.

Почти через десять лет кооператив, что выпустил более двухсот книг общим тиражом свыше миллиона экземпляров, официально прекратил свое существование, войдя в состав издательства «Федерация»⁶. Заседания же на квартире Никитиной продолжались более или менее регулярно до 1934 г.⁷ За тринадцать лет в них приняли участие сотни писателей — почти вся московская литературная элита⁸.

Что касается Никитиной, то с 1922 по 1931 г. она, руководя издательством и объединением, еще и преподавала русскую литературу: сначала в школе второй ступени, потом на Пречистенских рабочих курсах, на рабфаках различных вузов и с 1924 г. — во 2-м МГУ⁹. Была также председателем Литературно-исследовательской ассоциации при Центральном доме работников просвещения (ЦДРП), сотрудником Института языкознания и других организаций¹⁰. Кроме того, довольно часто печаталась, получив

известность главным образом благодаря исследованиям биобиблиографического характера. Под ее редакцией выходили беллетристические издания и сборники литературоведческих трудов¹¹. В Союз писателей СССР Никитина была принята как критик и литературовед. После ликвидации издательства ее педагогическая деятельность прекратилась. В 1935–1947 гг. Никитина — сотрудник профсоюза работников полиграфической промышленности и печати СССР, председатель секции научных работников и член ЦК этого профсоюза, председатель Московского группкома писателей и т.п., занимает также ответственные посты в СП РСФСР. С 1959 г. — персональный пенсионер союзного значения¹².

В 1957 г. бывшая председательница «Никитинских субботников» безвозмездно передала государству собранную за тридцать пять лет библиотеку, а также значительную коллекцию документов, куда входили архив объединения, письма и рукописи многих известных писателей, в том числе расстрелянных или погибших в лагерях, ссылках и т.п.¹³

Проблема хранения дара была решена в 1962 г.: согласно постановлению Министерства культуры РСФСР у Государственного литературного музея (ГЛИМ) Министерства культуры РСФСР появился новый филиал — музей «Никитинские субботники». Основой его экспозиции стала переданная коллекция, а хранителем — дарительница. Должность Никитиной предоставили пожизненно, а квартиру ее, где находилась коллекция, признали помещением музея и расширили¹⁴.

После смерти Никитиной в 1973 г. филиал, которым она руководила, пришлось ликвидировать, распределив экспонаты по соответствующим отделам ГЛИМ. Основной корпус никитинских документов ныне хранится в Отделе рукописей музея¹⁵.

Таковы сведения, подтвержденные документально. Обратимся теперь к печатным источникам.

Хронологически материалы библиографии вопроса распределяются на две основные части: 1922–1931 и 1962–1973 гг.

В периодике 1922–1932 гг. довольно редко не только специальные статьи, но и упоминания о «Никитинских субботниках» в ряду других творческих союзов¹⁶. Обычно речь там идет именно об издательском кооперативе, тогда как само объединение оказалось почти вне поля зрения современников¹⁷. Исключение составляют разве что выпуски альманаха «Свиток», издававшегося «Никитинскими субботниками», да несколько заметок в «Вечерней Москве», «Книгоноше» и т.п., главным образом об очередном юбилее организации¹⁸. И даже авторы специальных работ о литературных группировках не включают в их число объединение, возглавляемое Никитиной¹⁹. Характерно также, что в Литературной энциклопедии 1929–1939 гг. (ЛЭ)

есть статья о Никитиной и созданном ею кооперативном издательстве «Никитинские субботники», а вот об одноименном писательском союзе не сказано ничего²⁰.

Зато в 1962–1970 гг. советская пресса уделила объединению «Никитинские субботники» столько внимания, сколько не уделялось ни одной из литературных групп эпохи «легендарных двадцатых». О «Никитинских субботниках» печатались статьи в «Литературной газете», «Литературной России», «Неделе», «Правде», «Вечерней Москве», «Комсомольской правде», «Труде», «Московском комсомольце», «Учительской газете», «Гудке», журналах «Вопросы литературы», «В мире книг», «Москва», «Звезда», «Нева», «Наш современник», «Наука и жизнь», «Отчизна», «Работница», «Огонек», «Смена» и др.²¹

Кстати, и в Краткой литературной энциклопедии 1962–1978 гг. (КЛЭ) статья о «Никитинских субботниках» превосходит по объему многие другие — о куда более значительных объединениях. А в статье о литературных кружках «Никитинские субботники» охарактеризованы как оплот русского реализма предреволюционной эпохи — похвала едва ли не из самых высоких для советского литературоведения 60-х годов²².

Если верить тогдашним публикациям, объединение сложилось еще в 1914 г., хотя поначалу издательской деятельности не вело. В двадцатые годы туда входили известные писатели, критики, литературоведы, художники, среди которых — И.Э. Бабель, М.А. Булгаков, В.В. Вересаев, Н.К. Гудзий, С.М. Городецкий, Е.Е. Лансере, Л.М. Леонов, А.С. Неверов, А.С. Новиков-Прибой, М.М. Пришвин, М.И. Цветаева, В.Я. Шишков, К.Ф. Юон и др.²³ На еженедельных заседаниях там, невзирая на групповую вражду, собирались имажинисты, рапповцы, перевальцы, лефовцы, крестьянские писатели и конструктивисты. Под председательством Никитиной они обсуждали читаемые на «субботниках» рукописи друг друга и сообща работали в издательском кооперативе, созданном по инициативе А.В. Луначарского, также состоявшего в объединении. А кооператив регулярно выпускал обсужденное и одобренное большинством, даже если издания были заведомо убыточными. В «литературных боях» того времени объединение не участвовало, и внутренних конфликтов там не было, что выгодно отличало организацию, созданную Никитиной, от прочих групп²⁴.

Примерно то же самое рассказывала Никитина посетителям музея, охотно демонстрируя протоколы еженедельных заседаний с подписями знаменитостей, их письма и дарственные надписи на книгах, изданных «Никитинскими субботниками», — документы безусловно подлинные. Сохранились расшифровки стенограмм и магнитофонных записей так называемых «устных новелл» Никитиной — об издательстве, объедине-

нии, музеи и о себе самой как об их основательнице²⁵. Вероятно, Никитина готовила эти материалы к печати (существуют различные версии и варианты нескольких сюжетов), но так и не опубликовала под своим именем, поскольку «устные новеллы» частично вошли в статьи журналистов, писавших о «Никитинских субботниках».

Талантливый администратор, великолепный рассказчик, блестящий экскурсовод, она сумела многих увлечь пропагандой музея и, поддерживая с журналистами дружеские отношения, добилась постоянной рекламы в массовой периодике, причем довольно эффективной рекламы: в 60-е годы музей был весьма популярен²⁶.

Экскурсанты, судя по записям в журнале посещений, буквально заслушивались рассказами хранителя. Назывались эти рассказы «Три чуда в моей жизни», «Четыре чуда в моей жизни», «О чудесах в моей жизни» и т.п.²⁷ «Чудесами» именовались события, которые, по мнению главного хранителя, были определяющими и в истории «Никитинских субботников», и в ее собственной биографии.

В частности, Никитина сообщала, что пяти лет от роду, закончив начальную школу, поступила в гимназию, одиннадцати лет подверглась семимесячному аресту за участие в работе «ученического революционного кружка», тринадцати лет закончила гимназию, в шестнадцать — историко-филологическое отделение Московских высших женских курсов и девятнадцатилетней «получила там кафедру»²⁸. Объединение, возглавляемое Никитиной, сформировалось в 1912–1914 гг. благодаря инициативе Алексея Николаевича Веселовского, предложившего слушателям своего семинария в Московском университете и на Высших женских курсах создать «Литературный кружок», с которого все и началось, а затем к молодежи примкнули Ю.И. Айхенвальд, Н.Л. Бродский и другие известные литераторы²⁹. Издательство же в 1921 г. организовал регулярно посещавший «субботники» и читавший там свои пьесы А.В. Луначарский. Нарком, уверяла Никитина, сам, без просьб и напоминаний, решил, что его коллеги по объединению имеют право не только на слушателей, но и на читателей, в связи с чем по-государственному обеспечил «Никитинские субботники» всем необходимым», вплоть до жилых и производственных помещений³⁰.

Знаменитая коллекция сформировалась, как повествовала Никитина, благодаря введенному ею правилу: после каждого «субботника» все обсуждавшиеся рукописи передавались председательнице, авторы же получали потом машинописные копии³¹. Эти материалы Никитина хранила в московской квартире и на даче в подмосковном поселке более четверти века. Она берегла все, включая письма и рукописи репрессированных литераторов, что было весьма рискованно. В данном случае, объясня-

ла бывшая председательница «Никитинских субботников», ее и архив спасло не столько «чудо», сколько предусмотрительность. А вот решение Министерства культуры о создании музея было, по словам Никитиной, сюрпризом для нее, т.е. относилось к разряду «чудес».

Таковы — в изложении Никитиной — основные этапы истории объединения, издательства и музея «Никитинские субботники». Версия эта активно пропагандировалась вплоть до смерти Никитиной³².

После закрытия филиала упоминания о «Никитинских субботниках» вновь крайне редки. Впрочем, некоторый спад интереса к этой организации наметился раньше — к началу 70-х годов. Упоминаний в периодике становилось все меньше, как и посетителей в музее. И это вполне закономерно: пресса уже сделала все, что могла, тиражируя рассказы главного хранителя о сбереженных богатствах, очередные статьи ничего принципиально нового не содержали, а период информационного голода, когда любые сведения об уничтоженной культуре воспринимались с восторгом и благодарностью, завершился. Пришла пора конкретных исследований, но их практически не было, поскольку именно здесь по отношению к материалам «Никитинских субботников» и возникли препятствия.

Разумеется, речь идет не о формальных ограничениях — фонды музея секретными не считались. Однако и надлежащей информационно-поисковой системы там, по сути, не было: возможно, у Никитиной просто не хватало времени, чтобы создать ее³³. А без описей и каталогов архивные разыскания, как известно, весьма затруднены.

В новом филиале ГЛМ только Никитина свободно ориентировалась среди залежей собранных ею рукописей и книг, только хранитель решала, кому и когда позволить работать с музейными материалами, что выдавать исследователям, что скрыть до поры. Но даже если искомые материалы выдавались, соблюдение системы ссылок на архивные документы, необходимое при корректной их публикации, было весьма проблематично. Вот почему о «Никитинских субботниках» писали преимущественно те, кому не нужно было заботиться об академически выдержанном оформлении научно-справочного аппарата.

После ликвидации филиала «Никитинские субботники» научная обработка материалов была еще очень далека от завершения. Потому архив издательства и объединения в полном объеме оставался недоступным для исследователей до сравнительно недавнего времени — пока не был описан в соответствии с существующими нормами³⁴.

Возможно, что отсутствие интереса специалистов к «Никитинским субботникам» в семидесятые–восемьдесятые обусловлено не только трудностью или недостаточностью источниковой базы, но еще и харак-

терным для многих исследователей неприятием унификаторского подхода к литературным группам периода нэпа, подхода, навязываемого официальной идеологией. Суть его, применительно к данному случаю, выразил один из лидеров «охранительного» направления в советском литературоведении — А.И. Метченко. «Объединения, — доказывал он, — возникали не только под влиянием потребности “коллективного начала”, о которой писали Серафимович и Фурманов, но в ряде случаев и для того, чтобы отстоять независимость художественного творчества от общенародных целей, к осуществлению которых призывало молодое Советское государство»³⁵.

Критерии тут сформулированы предельно четко: «хорошо» — жажда «коллективного начала», утоленная в 1934 г. созданием СП СССР, «плохо» — стремление к независимости. Неприемлющих такой подход интересовали прежде всего проблемы соперничества литературных группировок 1920-х годов, противостояние эстетических и политических тенденций³⁶. А «Никитинские субботники» с этой точки зрения себя вообще не проявили. В какой-то мере столь громоздкую аморфную организацию можно было бы считать прообразом того же СП СССР, всегда и во всем единого.

Сведения о подписях знаменитостей на протоколах сами по себе ничего не меняли: творчество отдельных литераторов, посещавших «Никитинские субботники», не соотносилось с деятельностью объединения в целом. Устойчивые ассоциативные связи, типа «Леф и В.В. Маяковский», «ЛЦК и И.Л. Сельвинский» или же «РАПП и А.А. Фадеев» — не сложились, поскольку «Никитинские субботники» были организацией слишком массовой и разнородной³⁷. Потому вопрос о роли и месте этого объединения в литературном процессе 20-х годов специалистами не ставился.

Сторонники официальной концепции литературного процесса этого периода также игнорировали «Никитинские субботники», хоть и по иным причинам. Их главным образом интересовали аспекты «борьбы за идейное единство советской литературы» в рамках творческих союзов, непосредственно субсидируемых правительством, — Пролеткульта, РАППа и т.п.³⁸ Кооперативное издательство и группа литераторов, сотрудничавших с ним, не относились — в силу своей политической «безликости» — к подобным союзам.

«Колоссальный материал прошлого, лежащий в документах и разного рода мемуарах, — писал Б.М. Эйхенбаум, — только частично попадает на страницы (и не всегда один и тот же), поскольку теория дает право и возможность ввести в систему часть его под тем или другим смысловым знаком. Вне теории нет и исторической системы, потому что нет принципа для отбора и осмысления фактов». Вообще сама нужда в исследовании фактов, их отборе «диктуется современностью — проблемами, стоящими

на очереди. История есть, в сущности, наука сложных аналогий, наука двойного зрения: факты прошлого различаются нами как факты значимые и входят в систему неизменно и неизбежно, под знаком современных проблем. История в этом смысле есть особый метод изучения настоящего при помощи фактов прошлого»³⁹.

Пользуясь терминологией Эйхенбаума, можно сказать, что литературно-бытовые аспекты деятельности объединения «Никитинские субботники» оказались как бы «вне теорий». В итоге окончательно утвердилась версия истории «Никитинских субботников», созданная их основательницей.

Однако изучение литературного процесса — задача многоаспектная, и наличие своего рода «белых пятен» в одной области неизбежно влияет на результаты исследований в другой. Никитинская же версия безусловно противоречит существующим представлениям о формировании и взаимоотношениях литературных групп 1920-х годов, представлениям о литературном быте не столь далекой эпохи, основанным на фактах, собранных и систематизированных поколениями историков и литературоведов. Необходимость документальной проверки тут очевидна даже при минимально критическом отношении к никитинской версии.

Начнем хотя бы с досоветской биографии Никитиной. В Российской империи вряд ли осталась бы незамеченной пятилетняя гимназистка и тринадцатилетняя слушательница Высших женских курсов. А если б Никитина в девятнадцать лет «получила там кафедру», такое событие, несомненно, было б зафиксировано в тогдашней периодике. Тем не менее, следов нет.

Обратимся теперь к первому периоду истории объединения. Инициатива или вообще какая-либо деятельность А.Н. Веселовского по организации пресловутого «Литературного кружка» не зафиксированы ни в 1912, ни в 1914 г.⁴⁰

Советский период — в описании Никитиной — тоже загадочен. В самом деле, «Никитинские субботники» — не партиячка и не профсоюз, потому нет никаких рациональных объяснений долголетнему и вполне добровольному сотрудничеству литераторов, яростно и непримиримо враждовавших вне объединения. Тех же рапповских «неистовых ревнителей» и «умеренных» перевальцев, например. Да и Луначарский, будучи наркомом, известности в качестве организатора частных издательств не получил.

Сомнительна также история формирования знаменитой коллекции — пресловутый обмен рукописей на машинописные копии. Если Никитина лично перепечатывала рукописи, читавшиеся на каждом «субботнике», то времени на что-либо другое у нее бы просто не осталось, оплачивать же перепечатку из собственных средств для нее было б слишком накладно,

кстати, в документации кооперативного издательства подобные расходы не отражены. Что и понятно: вряд ли пайщики кооператива согласились бы тратить немалые суммы только ради поощрения в своей председательнице страсти к собирательству. Стало быть, нашлись иные способы пополнения коллекции.

Наконец, нельзя признать достоверными и опубликованные сведения об организации музея «Никитинские субботники». Разумеется, никитинская коллекция была весьма ценной. Однако до и после Никитиной многие коллекционеры безвозмездно передавали государству не менее ценные собрания. А вот получение через пять лет в качестве ответного дара собственного музея, расширение квартиры и пр. — события экстраординарные. Ссылки на «чудо» тут неуместны. В 1962 г. решение Министерства культуры об учреждении филиала ГЛМ РСФСР и назначении на «руководящую должность» пожизненно не могло быть сюрпризом для назначаемой. Без участия МГК КПСС, а также руководства СП СССР, СП РСФСР и всех полагающихся длительных согласований подобные решения тогда не принимались.

Музей «Никитинские субботники» — достаточно заметное явление в культурной жизни столицы 60-х и начала 70-х годов. Пожалуй, истинная история его создания — архив Никитиной содержит относящиеся к ней материалы — наиболее убедительно характеризует пресловутые «чудеса» — как в хронике издательства и объединения, так и в биографии их основательницы. Обратимся к фактам, подтвержденным документально.

В пятидесятые годы Никитина предпринимает попытку «улучшить жилищные условия»: после смерти родственников она оказалась в коммунальной квартире. Права на получение отдельной квартиры она, согласно тогдашнему жилищному законодательству, не имела, потому Никитина ссылается на необходимость сохранения коллекции документов и библиотеки, имеющих значительную музейную ценность⁴¹.

Ее библиотека и собрание рукописей еще с 20-х годов были достаточно известны в кругах московских коллекционеров. И о собственном музее она думала еще до войны, предлагая учредить «музей советской литературы» на основе той же коллекции⁴². Коллекция росла, состав ее менялся, кое-что владелица продавала, став, можно сказать, постоянным поставщиком Государственного литературного музея⁴³. Затем ситуация изменилась, речь шла уже не о благих пожеланиях, а о спасении собранного за тридцать лет.

В коммунальной квартире действительно не было надлежащих условий для хранения, часть собрания Никитина вывезла на дачу, но и дачи она меняла⁴⁴. Проблему следовало решать срочно, и Никитина доказывала, что

коллекцию целесообразнее содержать в том виде, в каком та сложилась, поскольку собранными материалами уже пользуются многочисленные исследователи, переезд же обязательно создаст препятствия ученым⁴⁵. При таком положении, по мнению Никитиной, проще расширить ее квартиру и тем заодно избавить ГЛМ от забот по перемещению книг и документов.

Будучи ответственным работником ССП, Никитина прибегает к помощи коллег и старых знакомых, в частности К.А. Федина, использует его влияние как члена правления СП СССР⁴⁶. Влияние это растет: в 1958 г. Федин становится академиком АН СССР, в 1959-м — первым секретарем правления ССП, в 1962-м — депутатом Верховного Совета СССР.

Не забывает она и о рекламе. 28 августа 1954 г. сдан в набор пятый том фундаментальной «Истории Москвы», где в статье А.А. Волкова о литературных организациях 1900–1917 гг. «Никитинские субботники» описываются наряду с хрестоматийно известными объединениями — «Средой» Н.Д. Телешова и «Литературно-художественным кружком». «В 1914 году, — указывает автор, — писательницей Е.Ф. Никитиной было организовано литературное объединение под названием “Никитинские субботники”. Его демократизм, заботливость о молодых, начинающих писателях и исключительная энергия председательницы собрали кружок, в котором участвовали более ста московских писателей и литературоведов. Почетным членом объединения был Горький, печатавшийся позднее в этом издательстве. Многие ведущие советские писатели начинали свой творческий путь в нем, выступая на заседаниях субботников и печатая в издательстве свои первые произведения: А.С. Неверов, А.С. Новиков-Прибой, Л. Сейфуллина, Л. Леонов, Вера Инбер, а также видные литературоведы и театроведы А.В. Луначарский, Н.Л. Бродский и другие были активными участниками субботников. В кружке принимали участие художники, которые делали зарисовки, портреты, шаржи и иллюстрации: К.Ф. Юон, Е.Е. Лансере, Куприянов, Крылов и Соколов (будущие Кукрыниксы) и др. “Никитинские субботники” имели свой орган — альманах “Свиток”»⁴⁷.

Приведенный фрагмент, как уже отмечалось, весьма характерен для официальной историографии «Никитинских субботников». Во-первых, ни в 1914, ни в 1917 г. (а именно эти хронологические рамки указаны в статье) такого названия просто не было, поскольку Никитина (урожденная Плотникова) носила до 1919 г. фамилию своего первого мужа — Н.В. Богушевского, о чем свидетельствуют архивные материалы⁴⁸. Писательницей Богушевскую тогда не считали, и перечисленные Волковым литераторы, за исключением Бродского, не имели к ней никакого отношения до 1922 г., когда и был издан первый выпуск альманаха «Свиток»⁴⁹. Во-вторых, численность «Никитинских субботников» достиг-

ла указанной в статье только через три года после официальной регистрации «Никитинских субботников», т.е. к 1924 г.⁵⁰ Горький же, вообще ни на одном из заседаний не присутствовавший, стал почетным членом объединения лишь в 1928 г.⁵¹

Понятно, что автор, не располагая информацией, счел нужным пересказать в общих чертах то, что слышал от основательницы объединения. Аналогичным образом готовились позже и статьи Е.П. Короткова о Никитиной и «Никитинских субботниках» в КЛЭ, что видно по черновым записям, датированным 1964–1965 г.⁵²

На «Историю Москвы» — довольно авторитетное по тому времени издание — Никитина ссылалась в дальнейшем, добиваясь расширения квартиры для своей коллекции. После XX съезда КПСС и знаменитой речи Н.С. Хрущева о культе личности И.В. Сталина аргументация Никитиной дополнилась еще и ссылками на материалы репрессированных писателей. В 1957 г., когда она официально заявила о безвозмездной передаче государству своей библиотеки и архива, вопрос о хранении, т.е. создании нового филиала ГЛМ, тоже был поставлен официально.

Уйдя на пенсию по возрасту, Никитина частично утратила влияние, связанное со служебным положением, но от задачи своей не отступилась. Федин, поднявшийся на очередную ступеньку служебной иерархии, по-прежнему поддерживал Никитину в ее хлопотах, а вместе с первым секретарем помогало (более или менее) все руководство СП СССР.

Наконец, восьмилетние труды увенчались успехом, и понятно, что «чудо», «сюрприз» и т.п. здесь ни при чем. Музей был создан благодаря неукротимой энергии Никитиной, точному политическому и психологическому расчету, упорству и связям номенклатурной собирательницы. В совокупности это вполне можно назвать одной из форм проявления организаторского таланта Никитиной.

О хлопотах, связанных с созданием музея, были осведомлены многие московские литераторы, знавшие новоявленного главного хранителя еще в 20-е годы. Они, конечно же, не могли не обратить внимания на обилие несуразиц в публикациях о «Никитинских субботниках» и «устных новеллах» Никитиной⁵³. Однако ни публично, ни в печати никто ей не возразил; во всяком случае, такого рода возражения не зафиксированы документально.

Принимая во внимание связи Никитиной в ССП и ее авторитет в редакциях самых крупных периодических изданий, уместно предположить, что дискуссия в печати вообще бы не состоялась, даже если бы литературоведы и решили поспорить⁵⁴. Кроме того, сыграли свою роль и многолетние дружеские отношения Никитиной с «ветеранами» объединения, на

которых она ссылалась, — Арго, В.Е. Ардова, Н.К. Гудзия, К.Л. Зелинского, В.М. Инбер, О.Г. Савича, Л.М. Леонова, П.А. Радимова, И.Л. Сельвинского и др.⁵⁵ Чьи-либо попытки уличить основательницу «Никитинских субботников» косвенно компрометировали бы всех, кого она ранее призвала в свидетели. Без скандала тут бы не обошлось. Да и заслуги Никитиной в том, что касалось сохранения документов, — до организации музея — были бесспорны, каким бы образом она их ни сберегала.

Стоит также учесть, что снисходительность современников в значительной степени была обусловлена и репутацией музея. Сразу после открытия главный хранитель возобновила у себя на квартире (т.е. в помещении музея) еженедельные «литературные собрания» — читательские конференции, выставки художников, скульпторов и т.п. Собрания по традиции именовались «Никитинскими субботниками»⁵⁶. К середине шестидесятых филиал ГЛМ РСФСР превратился в своеобразный «оазис вольности», где собирались неформальные объединения молодых литераторов и художников⁵⁷. И когда тема сталинских репрессий была официально «закрыта», на «субботниках» запрет игнорировали дольше, чем где бы то ни было в государственных учреждениях, проводя вечера, посвященные памяти репрессированных писателей. У Никитиной выступали П.Г. Григоренко, В.Т. Шаламов и другие участники правозащитного движения, что, конечно же, не афишировалось, но в Москве было известно очень многим. Полемика вокруг «Никитинских субботников» — если бы она развернулась — компрометировала бы не только прославленную «собираательницу и хранительницу русской культуры» (как именовали главного хранителя авторы панегирических статей), но и сам «оазис вольности».

Эти факторы, хоть и не были определяющими, но наряду с указанными выше весьма способствовали утверждению официальной версии «Никитинских субботников» в 60-е годы. Далее ситуация развивалась по обычной модели, описанной Фединым. «Множество фактов литературной жизни, — сетовал бывший представитель группы “Серапионовы братья”, — распылилась отчасти потому, что их никто у нас не собирал, отчасти же потому, что они мешают укоренившейся привычке строить выводы из выводов, пользоваться уже существующими готовыми представлениями, которые одни литературоведы преподают и внушают другим»⁵⁸.

Вообще никитинскими «соавторами», подобно Волкову и Короткову, оказались почти все писавшие о музее, издательстве и объединении. Черновики и копии некоторых статей Никитина хранила в личном архиве и часто ссылалась на такого рода публикации⁵⁹. Потому интересны они отнюдь не в аспекте фактографии, а скорее как проявление феномена

личности самой Никитиной, ее обаяния, благодаря которому собеседники с готовностью соглашались верить невероятному и не замечать очевидное.

К примеру, Н. Вентова, автор статьи, напечатанной журналом «Москва», утверждает, что Никитина в 1914 г. «окончила Московский университет и была оставлена на кафедре литературы, как тогда говорили, “для подготовки профессорского звания”. Ее научные руководители — профессора М.Н. Розанов, П.Н. Сакулин и А.Н. Веселовский» — совместными усилиями создали объединение, позже возглавленное ученицей⁶⁰.

Другой автор, опубликовавший пространную статью в журнале «Наука и жизнь», не только почти дословно воспроизводит справку из пятого тома «Истории Москвы», но указывает также, что на «Никитинских субботниках» бывал еще и С.А. Есенин⁶¹.

Р.Э. Корн, считавшаяся своего рода специалистом по «Никитинским субботникам» (ее статьи печатались не только в советской периодике), сообщает в «Вопросах литературы» помимо прочих небылиц, что А.С. Неверов «много лет был постоянным секретарем объединения», хотя обязанности секретаря тот исполнял не дольше трех месяцев, как это видно по архивным материалам⁶².

На самом деле «много лет был постоянным секретарем объединения» М.Я. Козырев. Но Никитина избегала упоминаний о нем: расстрелянный в 1941 г., Козырев даже после реабилитации считался писателем почти антисоветским — из-за неопубликованной антиутопии «Ленинград», над которой он работал со второй половины 20-х годов⁶³. Мнение это было неофициальным, и все же Козырева посмертно восстановили в СП СССР не на исходе пятидесятих, как большинство репрессированных литераторов, а лишь в 1963 г., благодаря хлопотам вдовы и друзей⁶⁴.

Рукопись «крамольной» повести Никитина сохранила, но соображения рекламы оказались более существенными, чем уважение к автору, который вел и подписывал в качестве секретаря протоколы собраний с 1924 г.⁶⁵ Протоколы же эти Корн, по ее словам, видела неоднократно. Кстати, глава «Никитинские субботники» есть и в книге ее воспоминаний, изданной в 1986 г., где к журнальным ошибкам добавлены новые, например причисление к «неизменным членам содружества», т.е. «Никитинских субботников», К.И. Чуковского, никогда в объединение не входившего⁶⁶.

Подобного рода несообразностями изобилует большинство публикаций 1955–1974 гг., воспроизводились они и позже комментаторами, коль скоро шла речь о «Никитинских субботниках».

В связи с этим, завершая предварительный обзор источников, необходимо отметить, что публикации 1922–1932 гг. не дают достаточной инфор-

мации о работе объединения «Никитинские субботники», а публикации 1955–1974 гг. содержат главным образом сведения недостоверные.

Следовательно, результатом данной работы должно быть описание подлинной, а не фальсифицированной истории «Никитинских субботников» как объединения литераторов и кооперативного издательства, т.е. феномена литературного быта 1910–1920-х гг.

Основной материал — архив «Никитинских субботников» и личный архив председательницы объединения, документы, ранее не вводившиеся в научный обиход.

Правда, Никитина вносила изменения и в музейные документы, когда пыталась приспособить их для пропаганды своей версии. Но делалось это неумело, следы (стирания, зачеркивания, исправления) хорошо заметны, да и сопоставительный анализ документов позволяет установить первоначальный вариант текста.

Изучение деятельности объединения и кооперативного издательства «Никитинские субботники» — проблема, с одной стороны, частная: попытка убрать еще одно «белое пятно» в истории литературного процесса 20-х годов. С другой стороны, на материале «Никитинских субботников» отчетливо прослеживаются генеральные закономерности литературного процесса в указанный период — закономерности, связанные с развитием и последующей ликвидацией частных издательств. Именно этому и уделяется наибольшее внимание.

В данной работе сочетаются хронологический и проблемный принципы изложения. Соблюдения хронологической последовательности в описании и оценке конкретных фактов требует специфика изучаемого объекта. Проблемный же принцип продиктован самой постановкой исследовательской задачи.

Первая часть посвящена предыстории «Никитинских субботников» — периоду, охватывающему 1912–1920 гг., проблемам типологии литературных организаций 1900–1910-х годов, а также биографии Никитиной. Вторая часть отведена преимущественно истории издательства «Никитинские субботники» — от подготовительного этапа 1920–1921 гг. до выпуска первой партии книг и кризиса 1922–1923 гг. В главах третьей части рассмотрены деятельность объединения и одноименного издательства с 1924 по 1927 г. и проблемы типологии литературных организаций 20-х годов. Главы четвертой части отведены описанию деятельности издательства и объединения в 1927–1934 гг. и анализу причин ликвидации «Никитинских субботников» в контексте литературного процесса того времени. В Заключение кратко охарактеризованы этапы формирования «Никитинских субботников», роль анализа деятельности этой двуединой

организации для создания целостной концепции литературного процесса 1920–1930-х годов и проблемы источниковой базы.

Материалы «субботников» 1920–1931 гг. для удобства использования вынесены в раздел «Приложения», так же как и каталог издательства, список публикаций Никитиной, материалы к истории издательства, шуточные стихи и рассказы членов объединения и т.п. Соответствующие ссылки на приложения даны в тексте.

Часть I

ПРЕДЫСТОРИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГРУПП

Глава 1

СОЗДАНИЕ ЛЕГЕНДЫ

«Никитинские субботники» их основательница считала главным делом своей жизни, и с такой оценкой вполне можно согласиться. История объединения и издательства неотделимы от биографии Никитиной. Однако до 1932 г. биография ее известна лишь по упоминавшимся уже «устным новеллам» и публикациям, т.е. существует в нескольких версиях и вариантах. Потому анализ деятельности «Никитинских субботников» целесообразно начать с жизнеописания Никитиной.

Определить точно дату ее рождения не представляется возможным. К примеру, согласно словарю «Писатели современной эпохи», изданному в 1928 г., Никитина родилась «15 февраля 1893 г.», что не противоречит ЛЭ, но опровергается КЛЭ — «16 (28). II. 1895»¹. Указанные же источники, в свою очередь, опровергаются материалами архива, хотя и архивные материалы дают разноречивые сведения².

Тем не менее, сопоставляя личные документы и дневниковые записи, можно предположить, что Никитина родилась не ранее 1890 г. и не позднее 1891 г. в Ростове-на-Дону. Там она жила до 1907 г., училась в гимназии³. Кстати, будущую председательницу объединения звали тогда Евдокией Плотниковой. Именно Евдокией, а не Евдоксией, как она именуется в документах московского периода⁴.

В 1960-е годы хранитель филиала ГЛИМ неоднократно рассказывала, что осиротела в раннем детстве (мать умерла от холеры, отец ушел), жила в крайней бедности и воспитывалась дальней родственницей — А.Н. Матюшенко⁵. Эта история документально подтверждается лишь отчасти: воспитывали Евдокию Плотникову родственницы по материнской линии — тетка с бабушкой, но они вовсе не бедствовали. Известно также,

что Плотникова действительно училась в гимназии, но поступила туда, конечно же, не пяти лет от роду, а своевременно⁶.

Лишь отчасти соответствует действительности и рассказ об участии в работе «ученического революционного кружка», конфликте с полицией и переезде в Москву⁷. Слышали его многие, причем еще в 20-е годы. Вошел он и в словарь «Писатели современной эпохи», где о Никитиной сообщается: «В старших классах принимала участие в подпольной ученич. организации. При переходе в 7-й класс была арестована и несколько времени просидела в тюрьме»⁸.

Один из ученических кружков Плотникова посещала, но вряд ли его можно счесть «подпольным». С 1870-х годов подобного рода организации — так называемые кружки самообразования или саморазвития — возникали едва ли не в каждой гимназии. Е.Н. Чириков, например, вспоминая о своих гимназических товарищах, писал: «В старших классах мы уже группировались в “кружки саморазвития” и, подчиняясь революционному духу того времени, читали Михайловского, Шелгунова, Миртова, Чернышевского, Писарева»⁹. Возможно, что полиция заинтересовалась этими собраниями, хотя семимесячный арест гимназистки, исключение с «волчьим билетом», о чем повествовала главный хранитель в 1960-е годы, документально не подтверждаются.

Однако известно, что как раз тогда у Плотниковой были трудности с платой за обучение, а ей хотелось попасть в восьмой класс, который считался «педагогическим», — окончившие его имели право преподавать в начальной школе и принимались на Высшие женские курсы (ВЖК). Из Ростова-на-Дону Плотникова уехала по приглашению жениха, Николая Валериановича Богушевского, надеясь с его помощью продолжить образование¹⁰.

В Москве Плотникова училась в гимназии М.Ф. Калайдович и летом 1909 г. вышла замуж¹¹. О своем замужестве она напишет в дневнике: «Жизнь исковеркана в 18 лет»¹². Вероятно, в связи с изменением социального статуса поступление на Высшие женские курсы казалось ей проблематичным — такое было не принято. Но в 1910 г. «Евдокия Федоровна Плотникова (по мужу Богушевская) держала экзамен по гимназическому курсу в Лазаревском институте восточных языков»¹³. А в 1910 г. она стала курсисткой¹⁴.

В 1911 г. у Богушевских родился сын Олег (покончил самоубийством в 1931 г.), и вопрос о продолжении образования опять утратил актуальность¹⁵. Но через год Богушевская вернулась на курсы и в 1914 г. окончила историко-философское отделение¹⁶.

К этому периоду относятся ее первые опыты в области литературоведения и критики: написанное еще в гимназии сочинение об И.С. Тургеневе она пытается опубликовать в московских журналах¹⁷. Позже Никитина утвер-

ждала, что попытки эти были успешны, соответственно и автор статьи о ней в ЛЭ, Н.Н. Захаров-Мэнский, указывает: «Печатается с 1914 (журн. «Семья и школа», ст. «И.С. Тургенев»))»¹⁸. Однако такой статьи нет в годовом журнальном комплекте. Вероятно, Захаров-Мэнский, состоявший в объединении «Никитинские субботники», поверил на слово председательнице¹⁹.

С 1916 г. выпускница МВЖК, закончив «одногодичные курсы Московского учебного округа для приготовления учителей и учительниц средних учебных заведений», преподавала в Черняевском женском училище²⁰. Работала она с энтузиазмом, рамками программы себя не ограничивала, устраивала конкурсы сочинений, тематические вечера, утренники и т.п. — в общем, проявляла присущие ей организаторские способности²¹. Причем именно организаторские: случаи проявления «научных дарований» и связанные с этим «чудеса» не фиксируются документами той поры. Никитина — обычная гимназистка, затем курсистка, потом учительница, и все указанные этапы проходит примерно в том же возрасте, что и большинство коллег. Исключением она не была.

Истоки пресловутых «чудес», что связаны со «сверхранним» поступлением в гимназию и на курсы, выявляются при анализе документов, периодически подававшихся для официальной регистрации объединения и кооперативного издательства «Никитинские субботники» в 1920-е годы²².

По причинам вполне извинительным — обычное кокетство — Никитина несколько раз меняла в регистрационных материалах дату рождения, не желая официально преступить рубеж тридцатилетия. Вероятно, в соответствующих инстанциях анкетные данные главы издательства не проверяли, и в итоге разница дошла до пяти-шести лет. После ликвидации издательства и объединения это не играло роли, пока в 1960-е годы Никитина, уже как главный хранитель филиала ГЛМ, не решила на экскурсиях рассказывать о себе. Тут могло выясниться, что к 1917 г. председательнице «Никитинских субботников», родись она в 1896 г., не удалось бы закончить восемь классов женской гимназии, МВЖК, одногодичные учительские курсы, да еще и пару лет преподавать в Черняевском училище. И тогда сложились легенды о бедной девочке-сироте, которую за необычайные способности «чудом» досрочно приняли в начальное училище, затем в гимназию, о юной революционерке, исключенной из гимназии с «волчьим билетом», но, опять же благодаря «чуду», завершившей среднее и высшее образование. Аналогичными «чудесами» мотивировалось знакомство с известными литераторами, чьими усилиями и было создано объединение литераторов.

Никаких чудес, разумеется, не было и в последнем случае. Группа, ставшая основой «Никитинских субботников», сформировалась исключительно благодаря организаторским способностям будущей председательницы. На

юбилее объединения в 1964 г. О.Г. Савич вспоминал, как шестнадцатилетним гимназистом вместе с друзьями пришел к своему учителю литературы, дабы обсудить программу созданного ими революционного кружка. Однако жена учителя убедила гостей, что кружок литературный куда более соответствует их интересам, и гости с хозяйкой решили время от времени собираться под руководством ее мужа для чтения и обсуждения своих стихов, прозы или тогдашних журнальных новинок. Вскоре вечерние собрания стали довольно частыми, и хозяин дома охотно уступил жене председательское кресло²³.

Савич не указал точной даты, но, вероятно, было это в 1912–1913 гг.²⁴ О характере тогдашних собраний судить трудно: протоколы, если и велись, не сохранились, а сведения, полученные при анализе воспоминаний участников, отрывочны и противоречивы²⁵.

Интересно, что на юбилейном заседании 1919 г. начало деятельности организации, созданной Никитиной, было отнесено к 1913 г.²⁶ Чем мотивировалось такое решение — точно установить нельзя. Но первая из сохранившихся программ «литературных вечеров», или же «литературных собраний», действительно датируется 20 сентября 1914 г.²⁷ Происходили они на квартире у Богушевских — «Большой Козихинский пер. Д. 3/5 (Чебышевой) кв. 26»²⁸.

Характеризуя документы 1914–1918 гг., необходимо сделать ряд оговорок. Подлинность некоторых программ вызывает серьезные сомнения: даже визуально обнаруживается, что бумага, карандаш и т.п. явно не соответствуют дате, указанной на программах, относясь к периоду гораздо более позднему²⁹. Уместно предположить, что появление такого рода «стилизаций» связано с созданием в 1962 г. музея, который возглавила Никитина. Будучи первым историографом «Никитинских субботников», она в интересах пропаганды музея и ради дополнения экспозиции «восстанавливала» недостающие, на ее взгляд, документы. С учетом того, что документы все же «восстанавливались» по дневниковым записям, сведения, в них содержащиеся, можно считать хотя бы отчасти достоверными.

С 1914 г. литературные вечера проводятся регулярно, посещают их не только учащаяся молодежь, но и преподаватели Московского университета, Высших женских курсов и Лазаревского института восточных языков — А.Н. Веселовский, П.Н. Сакулин, Н.Л. Бродский, Ю.И. Айхенвальд и др.³⁰ И если в 1912 г., по свидетельству Савича, гимназисты составляли большинство на собраниях у Богушевских, то к 1915 г., как вспоминал И.Н. Розанов, «первый гимназический состав схлынул»³¹.

Причины изменения состава, которые в 1960-е годы указывала Никитина, не следует, разумеется, принимать во внимание. Надо полагать,

маститые ученые и литераторы появились на «вечерах» благодаря связям Богушевского, выпускника Московского университета, продолжавшего не только педагогическую, но и научную работу. Это был круг его коллег, друзей и знакомых³². Вероятно, Богушевский же и пытался ввести на еженедельных собраниях академические нормы — подготовку программ, регламентацию выступлений, протоколы и т.п.

Итак, 20 сентября 1914 г. Веселовский, если верить Никитиной, предложил считать участников собраний «литературной группой»³³. Возможно, что и не предлагал, или предложил не он и не тогда, но в указанный день Веселовский на «литературном вечере» действительно присутствовал. Он, согласно программе, читал доклад «Влияние Мопассана на творчество Чехова»³⁴. Никаких иных сведений документы той поры не содержат, да и в программах до 1918 г. сочетания «литературная группа» не обнаружено. Как правило, они озаглавлены «Литературный вечер у Е.Ф. Богушевской»³⁵.

На следующем «вечере» — 30 сентября 1914 г. — собравшиеся слушали доклад об армянской поэзии, который читал Ю.А. Веселовский (сын А.Н. Веселовского), и стихи Савича, 4 октября обсуждался доклад Айхенвальда «Поэты XVIII в.», 20 октября — доклад Сакулина «Поэты из народа. Самоучки. Самородки», 24 ноября — доклад Бродского «Крепостное право в русской художественной литературе», а в декабре было проведено собрание, посвященное памяти декабристов, на котором с докладами выступили отец и сын Веселовские, Айхенвальд и М.В. Португалов (историк, литературовед, первый директор открытого в 1921 г. музея И.С. Тургенева в Спасском-Лутовинове), Сакулин³⁶. Впрочем, участников «литературных вечеров» более интересовал современный литературный процесс³⁷.

Программы 1915 г. в архиве Никитиной не сохранились, но о тогдашних «литературных вечерах» можно составить представление по записям И.Н. Розанова. Он отмечает, что участников становится все больше за счет начинающих литераторов, читаются и обсуждаются в основном их стихи и проза, регламент выступлений уже не всегда выдерживается, да и вообще, некоторый академизм, ранее присущий собраниям, постепенно уходит³⁸.

Для каждого «вечера» на листе большого формата рисовали программу. Ее уменьшенные экземпляры — машинописные копии — раздавали гостям. Собрание обычно состояло из двух отделений: в первом — выступления поэтов, прозаиков или же доклады литературоведов, во втором — обсуждение, а затем — подготовка программы следующего «вечера». Споры по поводу прочитанного бывали порою весьма ожесточенными, поскольку — счел нужным подчеркнуть Розанов — собиравшиеся «никогда не были кружком или обществом литературных единомышленников. Диаметральнo противо-

положные взгляды исповедывались многими участниками. Всех их связывали только историко-литературные интересы»³⁹.

Объединенная этими интересами группа друзей и знакомых четы Богушевских еще не имела ни четкой организационной структуры, ни названия. Тем не менее сложился почти постоянный состав, и несколько завсегдаев «литературных вечеров» — Савич и его друзья гимназической поры — даже предприняли попытку совместной публикации.

В 1915 г. типографией штаба Московского военного округа напечатан сборник стихов и прозы «Альфа». Успехом сборник не пользовался, и сам факт его появления обусловлен помощью извне, но отнюдь не меценатской: заранее оговаривалось, что весь доход от продажи поступит в распоряжение благотворительных организаций⁴⁰.

Это было первое и единственное совместное издание, которое выпустили гости Богушевских. Авторами и составителями его стали дебютанты; профессиональные литераторы, посещавшие «литературные вечера», в подготовке сборника не участвовали.

В 1916–1917 гг. собрания у Богушевских становятся все более частыми и оживленными, их посещают известные критики и литературоведы того времени. Стали традицией «вечера», посвященные творчеству русских классиков, обсуждаются актуальные проблемы современной литературы, произведения Л.Н. Андреева, Д.С. Мережковского, М.И. Цветаевой и др. Выпускаются рукописные сборники — «Штуковина», «Бутовский вестник» (в Бутове Богушевские снимали дачу, где летом устраивались «литературные вечера») и т.п.⁴¹ По тогдашним программам легко проследить тенденцию: научные доклады, собственные стихи и проза участников читаются все реже, зато в ходу шуточные инсценировки, розыгрыши, бури-ме, шарады и прочие «салонные игры». Вот несколько примеров.

1) «31 января 1916 г.

“Кабаре”

I. Легкомысленное отделение для серьезных людей

1. В поисках счастья.

2. Стихотворение.

3. Инсценировка.

4. Шансонетки.

5. Кинематограф.

II. Проказы “Штуковины”

1. Ода.

2. Лирическая поэма.

3. Стансы.

4. *Песнь о вещем Олеге.*
5. *Неуловимая.*
6. *Новоявленный лирик или еще одна победа.*

III.

1. *Словарь местного наречия.*
2. *Шарады.*
3. *Телеграммы.*
4. *Апофеоз.*
5. *Номера в публике.*

*Начало в 8 часов вечера*⁴².

2) «15 февраля 1916 г.

“Вечер женской лирики”

Программа

1. Три победы русской поэтессы.

И.Н. Розанов

2. Волшебный фонарь Марины Цветаевой.

Овадий Савич

3. Стихотворения поэтесс.

Исполняют М.В. Португалов, О.Г. Савич, С.П. Циммерман и др.

4. Прения.

*Начало в 9 часов вечера*⁴³.

3) «5 марта 1916 г.

“Сальеризм и моцартизм”

I. Сальеризм читательский

И.Н. Розанов

II. В защиту сальеризма

М.В. Португалов

III. Прения

*Начало 10 ч. вечера*⁴⁴.

4) «3 апреля 1916 года.

I. “О настоящей и будущей радости русской интеллигенции”.

По драме Мережковского “Будет радость”.

М.В. Португалов

II. Прения»⁴⁵.

5) «31 января 1917 г.

“Вечер в Александрии”